

Анестезиологическое обеспечение эндопротезирования тазобедренного сустава у пациентов, находящихся на программном диализе

Е. Д. Чернышева, Е. Е. Матюнина, А. М. Овезов, П. В. Прокошев

ГБУ МОНИКИ им. М. Ф. Владимирского, Москва

Anesthesia approach during hip replacement in patients with programmed dialysis

E. D. Chernysheva, E. E. Matunina, A. M. Ovezov, P. V. Prokoshev

MV Vladimirsky Moscow Regional Research Clinical Institute, Moscow

В практике отделения анестезиологии-реанимации ГБУ МОНИКИ им. М. Ф. Владимирского периодически, примерно 1 раз в 2 месяца, приходится решать проблему проведения анестезии больным с терминальной стадией хронической почечной недостаточности (ХПН), зависимой от гемодиализа, при хирургических вмешательствах по поводу скелетной травмы. Перелом шейки бедренной кости у данного контингента – не редкость, ввиду часто имеющегося вторичного гиперпаратиреоза и так называемой ренальной остеодистрофии на фоне ХПН. Разумеется, показания к плановым оперативным вмешательствам у этой категории больных ограничены высоким или крайне высоким риском операции и анестезии. В связи с чем таким пациентам порой вынужденно отказывают в хирургическом лечении, несмотря на то что подобное вмешательство направлено на улучшение качества жизни. Чаще всего им показана артропластика либо тотальное эндопротезирование крупных суставов. Этим обусловлена необходимость особого внимания к проблеме анестезиологического обеспечения операций, возвращающих таким больным активность и улучшающих качество их жизни.

Наш небольшой опыт решения данной проблемы (6 пациентов) представлен в настоящем сообщении. Пациенты, поступающие в клинику для эндопротезирования крупных суставов, имеют различные сроки пребывания на программном гемодиализе и, как правило, системные нарушения различной степени выраженности.

Физический статус по шкале ASA в наблюдавшихся нами случаях оценивался как ASA_{IV}–ASA_V. В связи с этим первоочередные вопросы, возникающие перед предстоящей операцией и анестезией, можно сформулировать так:

– Какой объем предоперационных исследований необходим для полноценного суждения о физическом статусе пациента, степени операционно-анестезиологического риска и целесообразности проведения ему оперативного вмешательства?

– Какой метод анестезиологической защиты следует применить к данным больным, исходя из соотношений пользы и риска: общую или регионарную анестезию, какой метод регионарной анестезии будет предпочтителен?

– Если у больного сохранена хотя бы минимальная функция почек (олигурия), то как свести к минимуму возможное повреждающее действие на нее при проведении анестезии?

– В каких условиях осуществлять наблюдение за больными в раннем послеоперационном периоде?

Как показывает опыт, при тщательном подходе к решению этих вопросов периоперационный период у больных, находящихся на программном гемодиализе, протекает относительно благоприятно, особенно в случаях с более молодыми пациентами, с непродолжительной длительностью терминальной стадии ХПН и хотя бы минимально сохранным диурезом. Поэтому, в качестве более яркого клинического случая, мы предлагаем в настоящем сообщении описание периоперационного обеспечения эндопротезирования тазобедренного

сустава у больного с наибольшим среди всех наших наблюдений сроком пребывания на программном гемодиализе и полным отсутствием диуреза.

Больной Х., 40 лет, поступил в отделение травматологии и ортопедии ГБУ МОНКИ им. М. Ф. Владимирского весной 2011 г. с диагнозом: Закрытый перелом шейки левого бедра; хронический гломерулонефрит, хроническая болезнь почек V стадии, программный гемодиализ; состояние после двух аллотрансплантаций почки, удаления трансплантата; вторичный гиперпаратиреоз, состояние после субтотальной паратиреоидэктомии.

Пациент поступил для проведения тотального эндопротезирования тазобедренного сустава. Из анамнеза: травма была получена незадолго до поступления в безобидной бытовой ситуации – выходя из машины, пациент почувствовал хруст в левом бедре и болезненность опоры на пораженную ногу, впоследствии отметил укорочение левой нижней конечности. До получения травмы, несмотря на I группу инвалидности, больной старался вести максимально активный образ жизни и даже работал. Именно поэтому пациент настаивал на проведении ему эндопротезирования для максимально возможной активизации и социальной реабилитации. Программный гемодиализ был назначен ему в 1991 г. при выявленной впервые терминальной стадии ХПН на фоне бессимптомно протекавшего хронического гломерулонефрита. За истекшие 20 лет у пациента дважды предпринимались попытки аллотрансплантации почки, однако в обоих случаях произошло отторжение трансплантата. Сеансы гемодиализа проводили 3 раза в неделю по 4 ч, сосудистым доступом служила артериовенозная фистула на предплечье. Фармакологический анамнез: постоянный пероральный прием амлодипина 1,5 мг/сут (с целью коррекции артериальной гипертензии), а также мимпара (антагонист паратормона).

В процессе предоперационного обследования были проведены все базовые лабораторные тесты, пациент консультирован терапевтом, нефрологом. При поступлении в клинику: гемоглобин – 9,9 г/дл, гематокрит – 28,7%, мочевины сыворотки – 16 ммоль/л, креатинин – 659 мкмоль/л, калий – 4,9 ммоль/л, натрий – 139 ммоль/л, общий белок – 65 г/л. В предоперационной коагулограмме отмечали тенденцию к гипокоагуляции: АЧТВ – 36,8 с, ПТИ 84%, МНО 1,14. По данным ЭКГ при поступлении: синусовый ритм с ЧСС 70–76 мин⁻¹, АВ-блокада 1-й степени, гипертрофия левого желудочка с выраженными изменениями

миокарда. Клинический диагноз: Закрытый перелом шейки левого бедра. Хронический гломерулонефрит, хроническая болезнь почек V стадии, зависимая от диализа, программный гемодиализ с 1991 г. 12 ч/нед. Состояние после двух аллотрансплантаций почки, удаления трансплантата. Вторичный гиперпаратиреоз, состояние после субтотальной паратиреоидэктомии. Миокардиодистрофия. Артериальная гипертензия 2-й степени. Хроническая анемия. Хронический гепатит С.

Больной был осмотрен анестезиологом за неделю до предполагаемой операции и накануне вмешательства. Учитывая данные предоперационного обследования, физический статус по ASA был определен как IV, а степень операционно-анестезиологического риска – 4 (по МНОАР). Пациент был подробно информирован о высоком риске операции и анестезии, возможных осложнениях. Вопрос о выборе анестезии был сразу решен в пользу регионарных методов, ввиду их очевидных преимуществ при операциях на крупных суставах и возможности избежать введения комбинаций препаратов для общей анестезии с трудно предсказуемой в условиях хронического ацидоза и отсутствия почечной экскреции фармакокинетикой.

Методом выбора послужила эпидуральная анестезия, что было обусловлено возможностью титрования местного анестетика до достижения необходимой глубины сенсорного блока при минимально возможном влиянии на гемодинамику, продления блокады в случае увеличения времени операции или непредсказуемого укорочения действия анестетика, а также возможностью послеоперационного обезболивания без парентерального введения наркотических анальгетиков. Анестетиком выбора определен ропивакаин, как препарат с доказанным минимальным органо-токсическим действием [2].

Определенное влияние на наш выбор оказало состояние системы гемостаза больного с учетом гепаринизации, сопровождавшей сеансы гемодиализа. Известно, что катетерные нейроаксиальные методики связаны с более высоким риском образования гематом у больных, имеющих коагуляционные нарушения [1]. При этом критических моментов два – установка и удаление эпидурального катетера, в отличие от однократной спинальной пункции [1]. Однако при строгом соблюдении рекомендуемых временных интервалов и лабораторном контроле АЧТВ можно свести к минимуму вероятность данного осложнения [1]. Следовательно, необходимо было так соотносить время проведения

сеансов гемодиализа и внутривенного введения гепарина (5000 ЕД) с моментом установки и удаления эпидурального катетера, чтобы интервал между ними составил не менее 6 ч. Это условие впоследствии было успешно соблюдено наряду с контролем АЧТВ, значение которого в течение периоперационного периода ни разу не превысило верхнюю границу нормы.

Рекомендации анестезиолога по предоперационной подготовке включали: контроль электролитов плазмы, коагулограммы, заготовку трансфузионных сред (двух единиц эритроцитарной массы и двух единиц свежезамороженной плазмы), альбумина 10%, проведение сеансов гемодиализа до операции и возможность проведения его при необходимости сразу же после операции. Послеоперационное наблюдение решено было проводить в палате интенсивной терапии (ОРИТ). В премедикацию больному назначили диазепам – 5 мг внутримышечно на ночь и за 30 мин до операции.

Накануне операции пациенту был проведен очередной сеанс гемодиализа. Уровень электролитов плазмы непосредственно перед поступлением в операционную – калий 4,3 ммоль/л, натрий 134 ммоль/л.

В операционной мониторинг включал в себя неинвазивный контроль АД каждые 3 мин, ЭКГ в трех отведениях, плетизмографию и пульсоксиметрию, кривую респирации с регистрацией частоты дыхания. Под местной анестезией катетеризирована подключичная вена, установлен катетер 14G, ЦВД до операции составляло 30 мм вод. ст. От традиционной (принятой в отделении) методики инфузионной нагрузки 8–10 мл/кг перед выполнением нейроаксиальных блокад было решено воздержаться в связи с возможностью развития объемной перегрузки и острой сердечной недостаточности. Внутривенная инфузия физиологического раствора NaCl была начата с минимальной скоростью. В асептических условиях, в положении лежа, был установлен эпидуральный катетер по общепринятой методике на уровне L_{II}–L_{III}, катетер проведен в краниальном направлении на 3 см. Тест-доза: 15 мг ропивакаина (10 мг/мл). Через 15 мин, при отсутствии признаков субарахноидального блока, была введена оставшаяся часть начальной дозы – 60 мг ропивакаина и 100 мкг фентанила. Спустя 35 мин выраженность сенсорного блока в области предполагаемого вмешательства оценена как недостаточная, моторный блок по шкале Bromage – 1. Дополнительно введено еще 35 мг ропивакаина

(10 мг/мл). Спустя 15 мин повторно оценили эффективность блокады: верхний уровень сенсорного блока достигал дерматома Th₁₀, степень моторного блока по Bromage – 2. Существенных гемодинамических сдвигов ко времени развития хирургического блока и началу операции отмечено не было: колебания АД находились в пределах 110–140/70–90 мм рт. ст., ЧСС 80–98 мин⁻¹; на ЭКГ: синусовый ритм с редкой желудочковой экстрасистолией (1–2 мин⁻¹). Проводили ингаляцию кислорода через маску (FiO₂ – 0,4) с сохранением спонтанной вентилиации, SpO₂ – 99–100%.

Перед началом операции, учитывая повышенный эмоциональный фон, с целью седации внутривенно ввели диазепам, титруя его по 2,5 мг и фентанил – фракционно по 50 мкг. Однако при этом была отмечена определенная толерантность к препаратам атаралгезии и желаемый седативный эффект (уровень седации Ramsay 2–3) был достигнут после применения более высоких, чем предполагалось, доз – 12,5 мг диазепама и 200 мкг фентанила. Последнее, возможно, было связано с парадоксальным действием препаратов для атаралгезии в условиях ацидоза, что подтверждала дальнейшая потребность в них у данного пациента. Несмотря на развитие блокады достаточной глубины, сохранялась эмоциональная реакция больного, а введение повторных доз диазепама и фентанила вызывало лишь кратковременный седативный эффект до уровня Ramsay 2.

Объем оперативного вмешательства заключался в удалении элементов собственного тазобедренного сустава с последующей заменой их на компоненты эндопротеза без использования цемента. Темп кровопотери в течение первого часа операции не превышал средний для данного вида вмешательства. Скорость внутривенной инфузии физиологического раствора NaCl (под контролем ЦВД) была в пределах 5–7 мл/кг/ч. На этом фоне сохранялась гемодинамическая стабильность, однако на 70-й мин операции, на этапе установки ножки эндопротеза, отметили тенденцию к умеренной артериальной гипотензии до 90–100/60, нарастание синусовой тахикардии до 100 мин⁻¹ при ЦВД 70 мм H₂O. К этому моменту объем кровопотери составлял около 500 мл, поэтому, с учетом исходной анемии, была начата трансфузия эритроцитарной массы в объеме одной дозы. В динамике АД было стабилизировано на уровне 110–120/70 мм рт. ст., однако сохранялась синусовая тахикардия с ЧСС 90–108 в минуту. Лабораторно, после трансфузии: гемоглобин – 9,7 г/дл, гематокрит – 30%, рН 7,28,

BE – 7,2, калий 5,0 ммоль/л, натрий 134 ммоль/л, лактат – 1,5 ммоль/л, SvO₂ – 77%. Самочувствие больного было нормальным, жалоб на боли в области операционной раны не предъявлял. Объем инфузии к окончанию операции составил 1000,0 мл, включая 200,0 мл эритроцитарной массы, 50,0 мл 4% бикарбоната натрия, 100,0 мл 10% глюкозы, 650,0 мл физиологического раствора NaCl.

На момент наложения швов на кожу операционной раны на ЭКГ-мониторе появилась тахикардия с комплексами, отличными по морфологии от комплексов исходного ритма, с частотой 130–150 в минуту. Плетизмограмма с малой амплитудой колебаний соответствовала частоте сердечного ритма, АД также оставалось стабильным, на уровне 110–120/70 мм рт. ст. Субъективное состояние больного на фоне появившейся аритмии не изменилось. На ЭКГ отмечена фибрилляция предсердий, тахисистолия, увеличение нагрузки на левые отделы сердца и признаки субэндокардиальной ишемии миокарда. С целью купирования пароксизма фибрилляции предсердий внутривенно медленно было введено 150 мг амиодарона, после чего исходный ритм восстановился с частотой 88–98 в минуту, АД оставалось в пределах нормальных значений. Больной был переведен в палату интенсивной терапии и экстренно консультирован кардиологом.

В ОРИТ продолжили введение амиодарона в дозе насыщения, метаболическую кардиотропную терапию. В течение первых суток после операции состояние больного расценивали как тяжелое, но стабильное. Пароксизмы фибрилляции предсердий не зарегистрированы. На следующий день больной был переведен в травматологическое отделение, в этот же день был проведен плановый сеанс гемодиализа. Эпидуральную анальгезию (начатую в ОРИТ после полного разрешения первичного блока и оценки неврологического статуса) продолжали в течение 36 ч в виде инфузии 0,2% раствора нарпина через шприцевой дозатор со скоростью 5 мл/ч. Удаление эпидурального катетера выполнили, в соответствии с планом, на следующий день после проведения сеанса гемодиализа (таким образом, было выдержано необходимое время после введения гепарина), т. е. на 3-и сут послеоперационного периода. Неврологический статус после удаления катетера оценивали в динамике в течение 48 ч, при этом никаких нарушений

выявлено не было. В первые сутки в ОРИТ потребовалось дополнительное внутримышечное введение промедола на ночь, в остальное время эпидуральное обезболивание было достаточным (не более 3 баллов по 10-балльной шкале ВАШ).

На 3-и сут послеоперационного периода утром у больного появились жалобы на учащенное сердцебиение, одышку и слабость, в связи с чем к нему был вызван кардиолог, и зарегистрирована ЭКГ, на которой отмечен пароксизм фибрилляции предсердий с ЧСС 150 мин⁻¹ и признаки субэндокардиальной ишемии миокарда. Пациент вновь переведен в ОРИТ, где проводили антиаритмическую терапию амиодароном и после восстановления синусового ритма назначили для постоянного приема метопролол. Ввиду продолжавшейся кровопотери по дренажу и в межфасциальную гематому наблюдали нарастание анемии, потребовавшее дополнительной трансфузии эритроцитарной массы и свежезамороженной плазмы. На фоне проводившейся терапии состояние больного стабилизировалось, по ЭКГ отмечалась положительная динамика в виде уменьшения нагрузки на левые отделы сердца, урежения синусового ритма до 68–70 мин⁻¹ и отсутствия эктопической активности. Спустя 3 сут больной был переведен в травматологическое отделение, где продолжена терапия беталоком, неотоном, рибоксином. Сеансы гемодиализа проводили по плану. Пациент активизирован (передвижение на костылях) и выписан в относительно удовлетворительном состоянии на 25-е сут после операции.

Таким образом, на основании данного клинического наблюдения можно заключить, что для успешного проведения регионарной или сочетанной анестезии при обеспечении эндопротезирования крупных суставов у пациентов с длительным сроком пребывания на программном гемодиализе и полным отсутствием диуреза необходимо тщательно учитывать состояние системы кровообращения и гемостаза в каждом конкретном случае, планировать вмешательство с учетом рекомендуемых временных интервалов между введением антикоагулянтов [1], осуществлять периоперационный лабораторный контроль АЧТВ, ЭКГ и уровня электролитов сыворотки крови и учитывать высокую вероятность развития осложнений, характерных для хронического гемодиализа.

Литература

1. Horlocker T. T., Wedel D. J., John C. Rowlingson J. C. et al. Regional Anesthesia in the Patient Receiving Antithrombotic or Thrombolytic Therapy // Reg. Anesth. Pain Med. 2010; 35: 64Y101.
2. Simpson D., Curran M. P., Oldfield V., Keating G. M. Ropivacaine: a review of its use in regional anaesthesia and acute pain management // Drugs. 2005; 65 (18): 2675–2717.